

Искусство возможного

Выставка живописи Михаила Иванова в Третьяковской галерее

Этот художник умудрился не стать знаменитым при жизни, хотя из ситуаций, в которых он играл ключевую роль, многие иные извлекли максимум лавров и прибыли. Михаил Всеволодович был одним из тех, чьими руками делалась «оттепель». Не просто пользовался плодами краткосрочной, как выяснилось, свободы, а лез на передовую. Внутри Союза художников вместе с Николаем Андроновым, Михаилом Никоновым, Владимиром Вейсбергом организовал первое неформальное объединение — так называемую «группу девяти», в 1962 году участвовал в подготовке скандально известной выставки в Манеже, составлял затем письма к Хрущеву и Фурцевой, пытаясь остановить реакционную волну.

Возможностей для разговора с властями у Михаила Всеволодовича было больше, чем у остальных его соратников. Родной сын Исаака Бабеля и приемный Всеволода Иванова, автора «Бронепоезда 14-69», он мог просить о поддержке своих инициатив всю культурную элиту: Каверина, Ромма, Шостаковича, Эренбурга. Это сейчас понятно, что сборы подписей и поездки на переговоры в ЦК мало чему могли помешать или поспособствовать, а в начале шестидесятых казалось: еще шаг, другой, третий, верный тактический маневр, беседа с нужным сановником — и дверь не захлопнется, свободно творчеству будет дан еще больший ход... Короче говоря, никакого диалога с адептами

Обводной канал. Горбатый мостик. 1991.

соцреализма не вышло, и Михаил Иванов был надолго отстранен от общественной жизни. Однако продолжал оставаться одним из лидеров «левого МОСХа», постепенно возвращая влияние.

Впрочем, посмертная экспозиция в Третьяковке никак не вяжется с образом энергичного шестидесятника. Никакого «сурового стиля», никаких геологов, нефтяников и прочих «моих современников». Вообще никаких людей, кроме двух-трех камерных портретов. Много лет с поразительным упорством и без всяких попыток поспекулировать на чем-нибудь актуальном (хоть на официозе, хоть на андерграунде) Михаил Иванов пи-

сал городские пейзажи. В профессиональных кругах отношение к нему всегда было крайне уважительным — именно как к коллеге-живописцу. Ценили за медитативность видов и натюрмортов, за тонкую колористику и особые ритмы. Выражение «певец старой Москвы» употреблять не станем, но главными героями ивановских работ действительно становились переулки, мосты и бульвары в пределах Садового кольца. Только вместо фотографической дотошности — вибрации цвета.

Программой для себя Михаил Иванов считал задачу передавать «ощущение живого в живописи». Это когда колорит не ог-

раничен контуром, неподвижный предмет не кажется застывшим, а прямоугольник холста перестает напоминать траурную рамку для убогого замысла. Художник впитал философию пленэра, все его пейзажи исключительно натурные, что не означает бездумные. С детских лет Москва воспринималась им в качестве города на холмах, отсюда многоярусные композиции и неприятие высотной застройки, которая, как утюгом, сглаживает рельеф... О качествах его живописи можно рассуждать долго, заметим лишь, что при всех своих лидерских наклонностях Михаил Иванов остался верен герметичным цеховым проблемам, тем самым избавив себя от приятного бремени массовой популярности.

География сюжетов, впрочем, не ограничивается Москвой. На выставке даже может возникнуть ощущение, что автор колесил по всему свету, ни к чему особенно не привязываясь: здесь и Париж, и Антверпен, и Хива, и Иерусалим. Это все любопытные страны, и правы организаторы, что не оставили их без внимания, однако виды Дровяного переулка или Обводного канала в реальности образовывали подавляющее большинство, ни с какой экзотикой не сопоставимое. Фигура невысокого человека с этюдником еще недавно была неотъемлемой приметой укромного стиличного центра. Теперь никакой прохожий уже не взглянет автору за плечо. Любопытствовать, что у художника получилось, придется в музее.